

А 13. Письмо к посаднику² Гюряте — грамота № 907 (стратигр. кон. XI – нач. XII в., внестратигр. предпочт. первое 20-летие XII в.; Троицк. Е)

Внешняя сторона

грамота ѿ тоука : къ гюратѣ : крали ти братъни холопи а оу брата
а нънѣ ти са съмъльвивѣ съ близокъ : вътъкале въ [т]оу татъбоу въ
тоѣ мѣсто татъбѣ

а оу него ти крадено атъ ти възалъ оу иванъ
кова съмъръда : ꙗ гривнѣ : а татъбоу княжоу
потаилъ

Внутренняя сторона

а оу него ти к

Во 2-й строке в словах *въ [т]оу* буква *т* написана поверх *н* (или наоборот). Скорее всего автор сперва хотел написать *въ не* 'в это' или *въ но* 'в нее', но, дойдя до *н*, передумал и исправил на *въ тоу татъбоу*.

Грамота тщательно обрезана; обоим краям придана овальная форма.

Текст отчетливо делится на основную часть и добавление (приписку). Закончив (словом *татъбѣ*) основную часть, автор вначале перешел на оборот листа; но, написав *а оу него ти к*, передумал и вернулся на лицевую сторону. Здесь он поместил приписку правее и ниже основной части письма. Возможно, ему не понравилось, что оборот листа слишком черный и на нем плохо видны буквы.

Перевод: 'Грамота от Тука к Гюряте. Крали-то братнины холопы, [крали] у брата. А теперь он (хозяин дома), сговорившись с родственниками, свалил [всё] на эту кражу, вместо [того, чтобы объявить] о той краже. А у него (в его ведомстве) действительно украдено, а он ведь он взял (за свое молчание) у Иванкова смерда три гривны, а кражу княжеского имущества скрыл'.

Это крайне сжатое и поэтому трудное для интерпретации послание можно понимать только как не первое звено в некотором обмене информацией. Перед нами отчет административного лица, посланного на расследование преступления, перед главой администрации — очевидно, посадником. Пример такого отчета среди берестяных грамот уже есть: это грамота № 247 (А 1), к сожалению, фрагментированная, автор которой сообщает, что заявление о взломе и грабеже оказалось ложным, и требует наказать обвинителя.

Можно предложить следующую версию событий. Не названное по имени лицо ("X"), о котором в грамоте говорится просто "он", — чиновник, в ведении которого находится какое-то княжеское (т. е. государственное) имущество. Иванков смерд украл нечто из этого имущества (скажем, пушнину из подати, поступающей на имя князя). X это знал, но не объявил, взяв за свое молчание с Иванкова смерда три гривны. О недостатке через какое-то время всё же стало известно, и посадник поручил расследование этого дела Туку. А в доме X-а незадолго до этого случилась кража: у X-ова брата что-то украли его собственные холопы. Тогда X решил списать

² Здесь и в прочих случаях мы называем посадниками тех, кто когда-либо занимал эту должность. Таким образом, в принципе необязательно, чтобы данное лицо находилось в этой должности в момент написания грамоты. Заметим, однако, что мы выносим титул «посадник» в название статьи не во всех случаях, когда персонаж грамоты предположительно отождествляется с некоторым новгородским посадником, а лишь в наиболее надежных.

недостачу за счет именно этой кражи. Поскольку были необходимы свидетели того, что именно пропало, *X* сговорился с родственниками об их лжесвидетельстве в его пользу. Умелый следователь Тук смог всё это распутать и посылает посаднику свой лаконичный отчет — грамоту № 907.

Чрезвычайно ценно то, что адресат грамоты практически надежно отождествляется с посадником Гюрятой (отцом посадника Мирослава Гюрятинича и дедом посадника Якуна Мирославича). При этом, судя по содержанию грамоты, в момент ее написания Гюрята находился именно в данной должности. Точных дат посадничества Гюряты летопись, к сожалению, не дает: Гюрята относится к той ранней части новгородской истории, от которой до нас дошел лишь простой перечень посадников. По примерному расчету лет Гюрята должен был посадничать в какой-то момент между концом XI в. и началом 1110-х годов. Посадник Гюрята с высокой вероятностью отождествляется также с новгородцем Гюрятой Роговичем, со слов которого летописец Нестор передает в ПВЛ (в составе статьи 1096 г.) красочный рассказ о народах северного Урала. Беседа Нестора с Гюрятой состоялась, как можно заключить из сообщения Нестора, в 1114 г.

Иванко, косвенно упомянутый в грамоте, — вероятно, будущий посадник Иванко Павлович (ср. А 19).

Графика: 1) одноеровая система: *ь* → *ѣ*, в остальном *ѣ* стандарт.; *ѣ* стандарт.; 2) *оу* ~ *оу*, и. Кроме того, *ы* → *ѣ* (*нѣнѣ*, *сѣ близокѣ*, *3 гривнѣ*).

Редуцир.: I — *вѣтъкале*, *Иванѣкова*, *кѣнажсоу*, *са сѣмѣльвѣвѣ*, *вѣзаль*, *брѣтъни*, *тѣтъбоу* (2х), *тѣтъбѣ*; II — *3 гривнѣ* <нѣ>. В *сѣмѣръда* после *с* представлен вставной *ѣ*. Отметим сильный *ѣ* в *вѣтъкале*.

Написания *сѣмѣръда* 907 и *Дроздьѣ* 526 — самые ранние примеры вставных редуцированных. При этом написание *сѣмѣръда* информативнее, чем *Дроздьѣ*: буква *ѣ* в *Дроздьѣ* в принципе может истолковываться либо как знак для гласной, либо как чистый показатель смягчения предшествующей согласной; между тем *ѣ* после *с* в *сѣмѣръда* показателем смягчения быть не может, т. е. перед нами несомненный пример смешения *см* и *сѣм*.

Морфология диалектная с непоследовательной коррекцией: *-е* в перфекте *вѣтъкале* (наряду с *-ѣ* в *вѣзаль*, *пѣтаиль*), *-ѣ* в Р. ед. *тѣтъбѣ*; с другой стороны, в сочетании *3 гривнѣ* представлено наддиалектное окончание <нѣ>. Отметим Т. мн. *сѣ близокѣ* <кѣ>, Р. ед. жен. *тоѣ*, причастие *са сѣмѣльвѣвѣ*.

Вѣтъкале означает буквально 'воткал' (или 'тычками вогнал'); здесь в переносном смысле — 'вплел', 'приплел (к чему-л.)', 'списал за счет (чего-л.)'. Ср. с другой приставкой *зѣтъкѣ* 'заткнуть', 'запрятать' Пск., Твер. (СРНГ, 11: 95).

Союз *ѣтъ* означает примерно то же, что *ѣнѣ* — 'ан', 'но', 'однако'; он вводит предложение, выражающее несоответствие тому, что ожидается на основе предшествующего предложения. Ср. в современных говорах: *ѣтъ* — междометие, выражающее возражение, отрицание, пренебрежение, укоризну, досаду, недовольство и т. п. (СРНГ, 1: 288), например: *Принеси воды!* — *ѣтъ*, *не пойду* (там же); также *ѣтъ* (союз и частица) 'да нет же', 'ан', 'ан вот же', 'в противном случае' и др. (СРНГ, 1: 290). Сюда же польск. *at* 'да ну', 'вот еще', 'эх'. Заметим, что за написанием *ѣтъ* в одноеровой грамоте в принципе могло бы стоять и <ѣтъ>; но союз *ѣтъ* 'пусть' в данном контексте по смыслу неуместен.

Фраза *оу него ти крадено* в др.-новг. диалекте в принципе двусмысленна: это может быть как 'у него ведь крали', так и 'он ведь крал'. В данном случае контекст заставляет предпочесть первое понимание.

Имя *Тукъ* может быть просто прозвищем ('сало', 'жир'); но не исключено и иноязычное происхождение, ср. *Туки* (из др.-сканд. *Tōki*) — имя варяга в ПВЛ [1068 и 1078]. Ср. также в НПК деревню *Туково* (IV: 273) и *Туковской* десяток (II: 710).

А 14. Грамота № 109 (стратигр. кон. XI – сер. 10-х гг. XII в., внестратигр. первое 20-летие XII в.; Нерев. Д)

грамота : штъ Жизномира : къ Микоуле :
 коутилъ еси : робоу : пльскове : а ныне ма :
 въ томъ : ала кънагъни : а ныне са друуѣ
 жина : по ма порочила : а ныне ка : посьѣ
 ли къ томуу : моужеви : грамотоу : ели
 оу него роба : а се ти хочоу : коне коутиѣ
 въ : и кънажъ моужъ въсадивъ : та на съѣ
 воды : а ты атче еси не възалъ коунъ :
 теухъ : а не емли : ничьто же оу него :

В конце 5-й строки в принципе можно усматривать как *е ли* 'есть ли', так и *ели* 'если'. После находки грамоты № 776, где встретилось *ѣли* (= *ели*) 'если', второе прочтение, по-видимому, следует признать предпочтительным. Здесь существенно то, что единственный бесспорный пример для 'есть ли' имеет вид *естъ ли* (*даи попытаи есте ли Мафеі оу манаstryри* 717), а в примерах с бесспорным *е* (скажем, *оце е тебе н[е] годена* 705) это *е* ведет себя как энклитика (см. § 3.31).

Перевод: 'Грамота от Жизномира к Микоуле. Ты купил рабыню во Пскове, и вот меня за это схватила (подразумевается: уличая в краже) княгиня. А потом за меня поручилась дружина. Так что пошли-ка к тому мужу грамоту, если рабыня у него. А я вот хочу, коней купив и посадив [на коня] княжеского мужа, [идти] на очные ставки. А ты, если [еще] не взял тех денег, не бери у него ничего'.

При чтении *е ли* (вместо *ели*) фраза о посылке грамоты понимается иначе: 'пошли к тому мужу грамоту: у него ли рабыня?' (*или*: 'пошли ... грамоту: есть ли у него [еще одна] рабыня?').

Отраженная в грамоте юридическая коллизия обсуждалась многими исследователями (см., в частности, Арциховский в НГБ III: 40–41, Черепнин 1969: 61–62, Факкани 1987: 130–135). Основное ее содержание ясно: рабыня, купленная Микоулой для Жизномира, оказалась краденной (или беглой). Предстоит предусмотренный для таких случаев Русской Правдой розыск вора с помощью последовательных очных ставок ("сводов"): последний владелец раба указывает продавца, тот — предыдущего продавца и т. д. до "конечного татя", т. е. до истинного вора.

В истолковании деталей, правда, комментаторы расходятся. Нам представляется достаточно правдоподобной следующая ситуация: Микоула уже запродавал рабыню некоему "мужу" X, и Жизномир требует от Микоулы послать этому мужу грамоту о новом повороте дела, если рабыня уже находится у X-а, и не брать с него за рабыню денег, если он их еще не взял. Но не исключены и другие варианты. В частности, как предполагает часть исследователей, речь могла идти не о той рабыне, которая была куплена, а об еще одной. Эта возможность определяется тем, что по Русской Правде в деле об украденном рабе нормальный розыск продолжался не до "конеч-